

Борис Руденко

История глазами очевидца

Тем, кто хочет узнать правду о том, что было, нужно искать ее у тех, кто эту правду видел. Кто жил, выжил и сумел рассказать.

Книга Евгения Войскунского «Балтийская сага» в краткой аннотации на первой странице названа романом, но авторское название все же точнее. Повествование о жизни трех поколений нескольких петербургских (ленинградских) семей, связанных друг с другом волею обстоятельств, самим городом, Балтикой, балтийским флотом, войной, действительно очень похоже на сагу. У саги нет жесткой сюжетной интриги, классической завязки, неожиданной развязки и даже отчетливой концовки, какой ее привык видеть читатель художественной литературы. Сага заканчивается вместе с историей героев. Вместе с их жизнью. Это просто подробный рассказ о происшедшем, что отнюдь не превращает его в нудноватую документальную летопись. Вот уж скучной книгу Войскунского никак не назовешь. Потому что она не только сага, но все же одновременно и художественный роман, населенный героями и наполненный событиями. И как положено в саге, отдельные истории о судьбах ее персонажей, их пути, идут параллельно, пересекаются, сливаются и вновь расходятся по причинам и поводам, которых не избежать — их невозможно ни предвидеть, ни изменить.

У курсантов военно-морского училища впереди огромная счастливая жизнь. Море, могучие боевые корабли, которыми они будут

командовать, успех, восхищение сограждан. Ну и любовь своих любимых, конечно. Только что закончилась война с Финляндией. Как жаль, что не удалось участвовать в победных сражениях! И когда в белую ленинградскую ночь 22 июня 1941 года началась новая война — удивительная, непонятная война с почти что союзником, подписавшим пакт о ненападении, курсанты-второкурсники твердо знают, что противник будет побежден очень скоро. И хотя сводки сообщают, что немецкие войска захватывают все новые территории, быстро продвигаясь к Ленинграду, это не страшно. Мобилизация идет, вот-вот вступят в бой главные силы, и враг, как всегда, будет разбит. Не надо верить слухам о пожаре на продовольственных складах, не надо паники, все закончится в ближайшие недели...

Но страшное ждало их впереди и пришло к каждому.

Человек довольно быстро привыкает к очень многому. В том числе к постоянному ощущению опасности. Оно не должно мешать и не мешает работе. Моряки-подводники уходят в поход, чтобы выполнить задание и вернуться. Возвращаются не все. Их товарищи знают об этом, отправляясь в плавание. Это просто работа. Обыденность, повседневность. Никакого героизма и патетики. Выйти на перископную глубину. Увидеть корабли врага и сделать залп. Уйти от преследования охотников, увернуться от ударов глубинных бомб, лечь на грунт, затаиться, А потом — если остались целы — подняться, очистить исчерпанный дыханием воздух субмарины и вернуться домой для пополнения топлива

и боезапаса. Вчерашние курсанты, встретив врага на ленинградском рубеже, сделались подводниками. Они не успели доучиться — не до учебы уже. Нужно было работать. Кто-то возвращался из походов, кто-то — нет. Другие герои саги стали блокадниками. Одни выживали, другие — нет.

Евгений Войскунский начал военно-морскую службу на базе Балтийского флота на полуострове Ханко и там встретил войну. Участвовал в обороне полуострова, чудом уцелел при эвакуации, когда транспорт с последним отрядом защитников подорвался на минном поле в финском заливе. Поэтому к читателю очень скоро приходит понимание, что рассказывает автор о пережитом, что не о выдуманных персонажах идет речь, а о тех, кого он знал, любил, потерял и никогда не забудет. И тогда грань между художественным и документальным в ощущениях читателя исчезает, и такое происходит на страницах саги постоянно.

Удивительно, но в книге, большая часть которой посвящена военному времени, за исключением нескольких коротких эпизодов нет конкретного образа врага. Его олицетворение — война, страшная беда, вторгнувшаяся в человеческую жизнь, искалечившая судьбы, отнимающая родных и близких. Войскунский ни устами персонажей, ни в авторских отступлениях (которых, кстати, в книге почти нет) не произносит высоких и гневных слов о ненависти к захватчикам. Не нужны они. Выжить — это главное. Защитить своих любимых. А чтобы выжить, нужно обязательно победить! И это ощущение передается читателю с такой достоверностью, что никакие слова уже не нужны.

Одна из глав «Балтийской саги» называется «Кронштадтский лед». «Нас водила молодость в сабельный поход. Нас бросала молодость на кронштадтский лед...» В Кронштадте, последней нашей крепости, защищавшей Ленинград с моря, военмор Войскунский служил все годы блокады и почти до конца войны. История Кронштадта и кронштадтского мятежа его интересовала с тех самых военных лет. Почему, зачем подняли мятеж революционные матросы, только вчера совершавшие и защищавшие революцию? Как

такое могло случиться? Он собирал обрывки фактов и записывал все, что мог отыскать. Официальная трактовка происшедшего давала лишь повод для новых сомнений. И только в 1990-е годы, когда открылись секретные партийные архивы и появился сборник документов «Кронштадт-1921», смог получить ответы на эти вопросы. Не было мятежа против советской власти. Матросы протестовали против большевистского насилия, ограбления крестьян и массовых расстрелов. По сути они предлагали России путь демократического развития. Был протест против тех, кто обманул матросов — вчерашних крестьян — лозунгами и обещаниями, и грабил продрозверсткой их семьи, обрекая на голод и смерть. Кто главный призыв революции «Вся власть Советам» обратил в ничто. Глава получилась бы совсем документальной — в ней практически нет места ни вымыслу, ни личному отношению автора, — кабы писатель не проследил бы судьбы участников событий и не рассказал о них. И хотя герои романа в отличие от персонажей реальных носят иные фамилии, автор увидел их глазами и позволил увидеть читателю правду об этой трагической странице в истории страны. Об этих событиях главный герой романа Вадим Плещеев спорит с отцом, участником штурма Кронштадта. Писатель Лев Плещеев уже не тот ортодоксальный коммунист, каким был в начале повествования. В 1949-м он оказался в числе арестованных по фальсифицированному «ленинградскому делу», когда одна из последних волн репрессий накрыла партийную и советскую верхушку северной столицы. Получил ни за что ни про что десятилетний срок. И вернувшись после смерти Сталина из лагеря больным, с надломом в душе, он пытается разобраться, что же произошло с ним и со страной, но, не закончив работу, умирает от инфаркта.

Ну, а жизнь других героев саги шла своим чередом. Кого-то, обманувшего смерть, ждали награды и новые задания. Кого-то вражеский плен, а потом, после победы, и советские лагеря. И вновь автор ничего не навязывает читателю. Он словно бы стоит в стороне, почти бесстрастно продолжая рассказ о прошедших годах. Автору нет нужды что-то придумывать и кого-то в чем-то убеждать.

За рассказанными историями — реальные судьбы реальных людей, которых Войскунский встречал и с которыми дружил на протяжении своей долгой жизни.

Смерть Сталина, расстрел Бери, возвращение и реабилитация репрессированных и полный сумбур в умах этих безвинно пострадавших, но по-прежнему верных «делу партии и народа» людей. И автору с удивительной точностью удается передать эти странные, парадоксальные человеческие ощущения. И тогда взамен жалости или подсознательного осуждения этих людей приходит то, что называется пониманием.

В «Балтийской саге» нет Героев. Нет Злодеев. Персонажи не делятся на плохих и хороших. Страницы книги населяют живые люди со своими достоинствами и слабостями. Одни вызывают симпатию и чувство сопереживания, другие — не очень, что отнюдь не ослабляет интерес к их судьбе именно потому, что все они — живые. Наверное, в этом состоит главное отличие книги Войскунского от саги классической: в каждом из персонажей «Балтийской саги» заключена частичка самого автора или близких, хорошо известных ему людей, зачастую узнаваемых даже читателем.

А время течет своим чередом. Хрущевская «оттепель», брежневский «застой», время перестройки и наши дни. Мы листаем страницы книги, а вместе с ее героями — страницы истории страны. Мы — зрители и участники. Войскунский — почти бесстрастный летописец,

он лишь повествует. Говорят его персонажи — такие разные и такие живые...

Евгению Львовичу Войскунскому в год выхода «Балтийской саги» исполнилось 96 лет. Уж не менее трех поколений любителей фантастики знают его как одного из ведущих авторов этого жанра в стране. Но, как рассказывает сам Войскунский, мысль о том, что главное еще впереди, его не покидала. Он знал, что обязательно должен написать о войне, о пережитом. И в 1984 году выходит его первый роман о войне «Кронштадт», который ознаменовал возвращение писателя в «большую» литературу и заслуженно привлек внимание читателей, литературоведов и критиков. За ним последовали «Мир тесен», «Девичьи сны», «Румянцевский сквер», «Полвека любви». Каждая из книг достойна отдельного подробного разговора, но все же лучше их просто прочитать. Роман «Балтийская сага» — заметное событие в литературной жизни страны не только в силу его художественных достоинств, но и потому, что написан очевидцем — одним из последних писателей-фронтовиков. Удивительное творческое долголетие Войскунского не может не восхищать. Фронтовик, моряк, журналист, писатель... Было бы преувеличением сказать, что Евгений Львович сегодня по-прежнему бодр — годы, как ни крути, берут свое. Но то, что он полон творческих сил, — истинная правда. И поэтому почитатели таланта Войскунского с полным основанием ждут его новых работ.